

Два портрета А.С. Пушкина

(К 160-летию создания)

Известно, что сам Пушкин не очень-то любил позировать художникам. Именно по этой причине так мало написанных с натуры изображений поэта.

1827 год явился вершиной славы Пушкина. Естественно, что после долгого отсутствия поэта, вызванного ссылкой, близкие друзья захотели иметь его изображения, выполненные лучшими русскими живописцами того времени. В Москве Пушкина пишет В.А. Тропинин (первые месяцы 1827 года). В Петербурге – О. А. Кипренский (конец мая – июль). Портреты стали впоследствии классикой русской живописи и лучшими изображениями Пушкина.

В.А. Тропинин

Тропинин получил заказ написать портрет Пушкина в 1827 году. Молодой поэт, возвращенный из михайловской ссылки, жил тогда в Москве, ожидая разрешения возвратиться в столицу. Вопреки распространенной версии, портрет был написан по заказу самого поэта, а не его друга Сергея Александровича Соболевского, который желал перед отъездом получить портрет Пушкина в своем обычном виде, а не при полном параде. Это стало ясно из письма Соболевского, опубликованного в 1952 году, где говорилось, что поэт тайком заказал картину и преподнес ее другу в качестве подарка

О.А. Кипренский

Из всех художников, изображавших поэта, Кипренский был наиболее близок Пушкину по типу личности. Оба были натурами творческими, артистичными, тонкой, нервной организации.

Заказал картину ближайший друг Пушкина, известный поэт Антон Дельвиг, которого Пушкин называл "художников друг и советник".

О поразительном сходстве портрета с моделью сразу дружно заговорили близкие и далекие знакомые поэта.

«Кипренский «изобразил Пушкина каким-то денди, а не поэтом», - заметил Тарас Шевченко в своей повести «Художник».

Портрет Пушкина в окончательном варианте изображал скорее не интимную непринужденность и естественность позирующего, как того хотел Соболевский, а поэтический беспорядок, с которым в романтическом искусстве так часто ассоциируется вдохновение.

Несомненно, что Тропинин оценивал творчество поэта очень высоко, Пушкин для него – «царь-поэт», и в карандашном эскизе он окружает своего героя романтическим ореолом. Фигура Пушкина, задрапированная складками халата, полна величия. В ней чувствуется сходство с бюстами древнеримских императоров. Идею величия мастер довёл до конца, воплотив в портрете Пушкина идею свободы воли и свободы мысли.

Описание картины лишний раз доказывает, что ему это удалось. Поэт сидит, его поза естественна и непринужденна. Правая рука с двумя перстнями-талисманами на пальцах лежит на столике, рядом с раскрытой книгой. На нем просторный домашний халат с синим воротником, на шее – длинный голубой шарф. Фон и одежду объединяет общий золотистый с коричневым цвет, благодаря чему выделяются лицо и отворот рубашки, который является центром композиции. У Тропинина не стояла цель приукрасить внешность Пушкина, но он с успехом воссоздал и запечатлел высокую одухотворенность поэта.

Взгляд голубых, с искрой, глаз поэта, пронизателен, в нем читается и вдохновение и творческая мысль, но Тропинин не мог не подметить, истинное состояние души Пушкина – сложное, взгляд его обращен «в себя», отрешён. Но, если Оресту Кипренскому, писавшему Пушкина в том же году, состояние поэта удалось выразить замкнутой позой со сложенными на груди руками, наедине с музой, то Тропинину – именно величавостью облика и духа.

Ошибочно утверждение, что поэт изображен, «как он бывал чаще в домашнем халате». Как обратила внимание искусствовед Н.Н. Коваленская, Тропинин иногда изображал в одном и том же халате разных людей. Очевидно, он писал с натуры только лицо, а одежду придумывал сам. Известно семь портретов работы Тропинина, на которых модели изображены в халатах. И все они – люди творческие. По-видимому, эта

Хотя это суждение не совсем справедливо, здесь уловлен, так сказать, петербургский тон в облике и поведении Пушкина на портрете Кипренского - это не домашний, а светский облик поэта.

Фоном служит золотисто-коричневый, достаточно светлый задник, немного светлеющий вокруг головы поэта. Этот прием придает картине объем и наполняет ее воздухом. Все построено, как обычно у Кипренского, на тончайших нюансах: по видимости простой композиционный прием - как бы «пустынное» пространство вокруг уподобленного скульптурному бюсту объема с замыкающим контуром - создает атмосферу одиночества вместе с ощущением воинственной собранности, сосредоточенности. Только в глубине, за креслом, стоит бронзовая статуэтка Гения с кифарой в руках (написана по просьбе Дельвига).

Пушкин очень элегантно, даже изысканно одет в сюртук из гладкой темной ткани, кипенно-белую рубашку, от которой виден лишь фрагмент воротника, который оттеняет и подчеркивает лицо, и роскошный плащ с красивой подкладкой в шотландскую клетку. По моде того времени он небрежно наброшен на плечо. Шотландская клетка вошла в моду в связи с увлечением романами Вальтера Скотта. Но она необходима здесь и для оживления цветовой монохромности, и для выявления, по контрасту, изгиба упругой, словно оковывающей силуэт линии. Кроме того, пестрая игра цвета требовалась, чтобы уравновесить светлеющую на черном кисть руки, восхитительно написанную, прямо отсылающую к пушкинской строке о «красе ногтей». На шее повязан широкий шелковый галстук, чей мягкий атласный блеск приятно оттеняет матовость остальных материалов. Становится понятно, что великий Пушкин был еще и отменным модником, денди.

Но больше всего обращает на себя внимание лицо поэта. О. Кипренский мягко передает его характерные "арапские" черты, густые каштановые волосы свободно вьются на голове, не спускаясь на высокий лоб и не выбиваясь беспорядочно. При всей его «африканской» некрасивости его внешность необычайно притягательна, и художник мастерски сумел передать это. У него очень ясные, чистые глаза, выразительный взгляд, обращенный в сторону от зрителя и как будто смотрящий вглубь себя. Создается

специфическая одежда была «придумана» художником далеко не случайно. Своеобразие костюма портретируемых сложилась из причудливого сочетания внешних атрибутов байронизма (расстегнутый ворот рубашки с большим белым воротником, небрежно повязанный галстук-шарф) с типично московской принадлежностью костюма – халатом и в целом в столь своеобразной форме выражает представление художника о свободной творческой личности. Идеал свободного человека складывался у Тропинина на протяжении всей его жизни; с таким трудом полученная свобода от крепостной зависимости обусловила обостренное чувство собственного достоинства, нежелание подчиняться кому бы то ни было, жить в чиновном Петербурге, ходить в мундире. Отсюда потребность жить в Москве, где чудаковатость и ленность жителей были своеобразной формой протеста против того, что «нужно» и «положено» официально.

У Пушкина было два перстня-талисмана. Поэт придавал им мистическое значение. На портрете правая рука его, слегка сжатая, покоится на столе и, если присмотреться, опирается на стопку листов бумаги. На большом пальце кольцо с изумрудом. В России изумруд издавна считался камнем мудрости и хладнокровия. Именно это качество изумруда особенно ценилось Пушкиным. Согласно самой распространённой легенде, перстень с изумрудом ему подарил дядя Василий Львович перед Южной ссылкой. Перстень считался фамильным, а ранее принадлежал великому князю Ивану III, а ещё позже будто бы перешёл к дочери Бориса Годунова Ксении. Ещё позже перстень был царским подарком одному из предков Пушкиных. Александр Сергеевич считал изумруд своим талисманом, и верил, что изумруд приносит творческое вдохновение, раскрывает тайну слова. На смертном одре Пушкин передал этот перстень врачу и автору русского словаря В.И. Далю, со словами: «Бери, друг, мне уже не писать». Впоследствии дочь Даля передала перстень великому князю Константину Константиновичу, и сейчас он хранится в музей-квартире Пушкина в Санкт-Петербурге, на Мойке, 12.

На указательном пальце Пушкина, перевёрнутое вниз камнем, витое кольцо-талисман с красным восьмиугольным

полная иллюзия того, что именно сейчас, на наших глазах, великий поэт продумывает свое очередное гениальное сочинение, которое обессмертит его имя.

Люди, хорошо знавшие А. Пушкина, отмечали, что и такое положение рук, как на портрете, не характерно для него. Русский писатель Н.В. Кукольник, например, высоко оценив достоинства портрета, счел нужным указать на отсутствие "пушкинской простоты" и несвойственность поэту "такого оборота тела и глаз".

Но именно такая поза придает всему образу внутреннюю собранность и говорит о большом напряжении внутренних сил. Творческое прозрение самого О. Кипренского оказалось в этом портрете исключительно глубоким. Исходя из общего замысла, художник с гениальной уверенностью пренебрег некоторыми частностями, придал А.С. Пушкину лично ему не свойственную, но для портрета единственно необходимую, абсолютно точную позу.

Образ поэта на портрете немыслим без этой позы со скрещенными на груди руками.

Споры среди искусствоведов не умолкают и до сих пор. Некоторые современные исследователи видят в позе поэта, изображенного со скрещенными на груди руками, воплощение безмятежной гармонии. Они обозначают его состояние словом "прислушивается", это та самая минута, когда "стихи свободно текут". Отмечают, что на смуглом лице поэта читается вдохновение, созревающая поэтическая мысль. Взгляд А.С. Пушкина глубок, но в то же время и слегка рассеян, как будто поэт внимает только одному ему слышимым голосам.

Некоторые находят в портрете некоторую напряженность позы поэта. Фигура поэта "натянута, как струна, лицо его сурово, глаза широко открыты и беспокоило (а не безмятежно!) всматриваются во что-то находящееся за пределами" картинной рамы. Печать нелегких размышлений, едва уловимая горечь, тень двух последних лет, мрачных для России, - вот что можно заметить на лице поэта. Если в устах А.С. Пушкина и прозвучат сейчас стихи, то это будут не изящные мадригалы, а строки глубоких раздумий.

Стоит отметить, что «веселый» Пушкин 1820-х годов, хотя и ссыльный, но увенчанный славой и популярностью, отличается

сердоликом, стилизованным под виноградные грозди узором и надписью. Почему Пушкин его отвернул вниз камнем? А вот и разгадка. Портрет Тропинин писал через три года, после того, как кольцо, одно из двух парных, было подарено Пушкину графиней Воронцовой. Парные кольца с сердоликом и надписями, своего рода загадкой, однажды стали дипломатическим подарком крымского хана мужу графини, генералу Воронцову. Кольцо, значит, можно было легко узнать, и поэтому Александр Сергеевич, чтобы не скомпрометировать даму, скрывал камень. Пушкин носил кольцо постоянно и перед смертью подарил поэту В.А. Жуковскому, а затем оно перешло к И.С. Тургеневу и Полине Виардо. Последняя передала кольцо в пушкинский музей Царскосельского, тогда уже Александровского, лица. К сожалению, из пушкинского музея в 1817 году кольцо украли, и с тех пор следы его затерялись. Сохранилось несколько оттисков камня на воске и сургуче.

Интересна и история жизни картины. Соболевский снял уменьшенную копию с портрета у Авдотьи Петровны Елагиной, чтобы возить ее с собой. И хотя выполнена она была профессионально, вся суть портрета была утеряна. Как пишут исследователи, она не передавала ту внутреннюю силу и движение, которые несет оригинал.

Покидая Россию, Соболевский оставил портрет на хранение все той же Авдотье Елагиной. Однако, вернувшись пять лет спустя из-за границы, обнаружил подмену оригинала на низкокачественную копию. Подлинный портрет появился в одной из меняльных лавок в середине 50-х годов. В 1909 году он попал в собрание Третьяковской галереи, а после революции, в 1937 году, переехал во Всесоюзный, ныне Всероссийский музей А. С. Пушкина в Санкт-Петербурге. Сейчас портрет находится в Мемориальном Музее-квартире Пушкина на набережной реки Мойки, 12, входящем в музейный комплекс.

от Пушкина 1830-х, подвергаемого злорадным упрекам в потере читательского интереса, уже вступившего в тот круг, где разыгралась трагедия его гибели. Этот поздний Пушкин, естественно,- за пределами даты, обозначенной на портрете Кипренского. Однако трудно отделаться от чувства, что здесь перед нами - весь Пушкин: образ этого портрета вполне адекватен тому представлению о зрелом и позднем Пушкине, каким оно возникает из воспоминаний современников, да и, собственно, из самого творчества поэта.

Пушкину портрет очень нравился. Вослед написанию портрета поэт сочинил дружески-благодарственный отклик Кипренскому, правда, не напечатанный при жизни обоих:

*Любимец моды легкокрылой,
Хоть не британец, не француз,
Ты вновь создал, волшебник милый,
Меня, питомца чистых Муз. –
И я смеюся над могилой,
Ушед навек от смертных уз.
Себя как в зеркале я вижу.
Но это зеркало мне льстит.
Оно гласит, что не увижу
Пристрастия важных Аонид.
Так Риму, Дрездену, Парижу
Известен впрямь мой будет вид.*

Вскоре после смерти владельца портрета А.А. Дельвига (январь 1831), Пушкин через Плетнева приобрел портрет у вдовы Дельвига на деньги (тысячу рублей) из гонорара за «Бориса Годунова». С тех пор портрет обитал в его доме, затем в семье, пока внук поэта не передал его в 1916 году в Третьяковскую галерею.

Литература:

1. Павлова, Е.В. А.С. Пушкин в портретах. В 2-х т. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : Сов. художник, 1989.
2. https://muzei-mira.com/kartini_russkih_hudojnikov/2158-portret-as-pushkina-kiprenskiy-opisanie.html
3. <http://fb.ru/article/147079/tropinin-portret-pushkina-v-a-tropinin-portret-pushkina-opisanie-kartinyi>
4. http://studbooks.net/529837/kulturologiya/kiprenskiy_portret_pushkina
5. http://biblioiskusstwo.blogspot.ru/2016/08/blog-post_13.html

